

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XI ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ЛО ИВ АН СССР
(краткие сообщения и автоаннотации)

II

Издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1975

требует специального исследования.

По нашему мнению, язык исследованных текстов является языком переходного (от эргатива к номинативу) периода, когда старые способы выражения объектных отношений полностью себя еще не изжили. И этим, вероятно, объясняется избыточность некоторых предложений (№ 7, 10, 12), в которых объектные отношения выражены и "по-старому" - в глаголе, и "по-новому" - в дополнении.

¹ М.В.Софронов, Грамматика тангутского языка. М., 1968, т.1, с.186.

² Имеются в виду переводы на тангутский язык китайских сочинений из Рукописного отдела Института востоковедения (Ленинград). Примеры взяты из следующих источников: 1/ "Дес категорий" - сокращенно ЛК; 2/ "Сунь цзы" - сокращенно С; 3/ словарь Н.А.Невского (см. Н.А. Невский, Тангутская филология. М, 1960, т.1-2) - сокращенно Н.

³ Подробнее см.: К.Б.Кеппинг, Согласование глагола с субъектом действия в тангутском языке. - В сб. материалов конференции памяти Ю.Н.Рериха, М, 1974, в печати.

⁴ Функции служебного слова $\frac{\text{ㄨ}}{\text{ㄨ}} \text{vi}$ полностью еще не раскрыты. Так, М.В.Софронов называет его словообразовательным суффиксом, образующим отглагольные существительные от переходных глагольных морфем (см. М.В.Софронов, Грамматика тангутского языка, т.1, с.155).

⁵ Ср. Г.А.Климов, К понятию языкового типа. - В кн.: Всесоюзная конференция по теоретическим вопросам языкознания (11-16 ноября 1974 г.) Тезисы докладов и сообщений пленарных заседаний. М, 1974, с.76-85.

К.К.Курдоев

ОБ ИЗАФЕТНОМ ПОКАЗАТЕЛЕ МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА В МУКРИ

В работах, посвященных говору мукри, входящему в южно-курдский диалект сорани, отмечается только общий для всех говоров курдского языка показатель множественного числа $-\text{ʒn}$. О наличии изафетного показателя множественного числа $-\text{ʒd}$ в мукри мнения

исследователей расходятся.

В грамматическом очерке О.Манна¹, в практической грамматике Фоссума², построенных на материале мукри, о таком показателе ничего не говорится. Однако, в курдоведческих исследованиях последних лет начали обращать внимание на эту форму. В своих курдских исследованиях Д.Н.Маккензи обратил внимание на форму *-î de* в говоре курдов района Бингирда и в текстах Оскар Манна, отражающих мукри. Маккензи эту форму воспринимает как формант, состоящий из изафета *-î* и частицы *de*, которые он пишет раздельно, как и О.Мани в текстах говора мукри.

Приводя аналогичные примеры раздельного употребления изафетного показателя *-ê di* в фольклорных текстах курманджи, мы в работе "Сравнительная грамматика курдского языка"³ делали вывод о том, что форма *-î de* в мукри и форма *-ê di* в курманджи представляют собой фонетические варианты общекурдского изафетного показателя множественного числа *-êd*.

Авторы работы "Курдский диалект мукри"⁴ выступают против мнения о наличии этого изафетного показателя в мукри и тем самым противопоставляют мукри северному курдскому диалекту курманджи, относя его к так называемой "центральной группе курдских диалектов". Об этом они пишут следующее: "Изафетный показатель *-î* в центральной группе (сорани, мукри, сулемани - К.К.) нейтрален по отношению к роду и числу, тогда как в курманджи изафетные показатели *-a*, *-ê*, *-e*, *-î*, *-êd* различаются в связи с родом и числом". Здесь говорится о том, что изафетные формы *-a*, *-ê*, *-e*, *-î*, служащие в курманджи показателями рода, отсутствуют в мукри, и что изафетный показатель мн.числа *-êd* не употребляется в мукри. Первое утверждение не вызывает возражения, оно доказано предыдущими исследователями, что же касается второго, то мы никак не можем огласиться с ним.

В работе "Сравнительная грамматика курдского языка" в качестве фактов, подтверждающих наличие изафетного показателя мн.числа *-êd* в мукри, мы отмечали следующие примеры из опубликованных текстов О.Манна:

qereqoşî de şîn (OM, 205) (Kurm. *qereqoşîyêd şîn*) 'зеленые одежды';
fêl u feracî de şeytan (OM, 255) *fêl u feracêd şeytan*

'проделки шайтана';

çawî de min (OM, 300) (Kurm. *çavêd min*) 'мой глаза';

denkî de henarê (OM, 62) (Kurm. *dendikêd henarê*) 'гранатовые косточки'.

Мы вынуждены повторить эти примеры, отмеченные в названной выше нашей работе потому, что в вышедшей недавно работе, посвященной формам множественного числа имени в иранских языках⁵, вопрос о наличии разнообразных изафетных форм в курдском языке и его диалектах автор обходит молчанием.

В курдском языке употребляются следующие изафетные формы множественного числа: *-êd*, *-êt*, *-ên*, *-ne* в курманджи, *-eI* в говоре курдов района Керманшаха, *-geI* в говоре курдов района Сенендеджа, а также общая для курманджи и мукри изафетная форма мн. числа *-ê di* или *-î de*. Специалистам курдоведов непонятно, как можно заниматься исследованием форм мн. числа имени в иранских языках, не привлекая отмеченные формы изафета множественного числа в курдском языке, которые являются одним из важных и существенных признаков, отличающих курдский язык от других современных иранских языков.

Приведенный выше вариант изафетной формы в мукри встречается и в фольклорных текстах курманджи, где наряду с формой *-êd* встречается случай раздельного написания *-ê di* аналогично южному *-î de*; *-ê* в курманджи присоединяется, подобно *-î* в мукри, к определяемому, *di* пишется раздельно от него, как в мукри. Например, *derê di xizna* (AS I, 193) 'двери казны'; *revokê di hesran* (FK, 400) 'табуны лошадей'; *kakilê di guzan* (FK, 402) 'ореховые ядра'; *gurê di çiya* (FK, 403) 'горные волки'; *xewnê di sevan* (FK, 300) 'ночные сны'; *bê his kirim zulfe di hûr* (FK, 552) 'меня с ума свели тонкосплетенные кудри' и др.

В курманджи изафетная форма *-ê di* встречается наряду с формами *-êd*, *-êt*. Она функционально и семантически равнозначна им. Формы *-êd*, *-êt* употребляются чаще; они соответствуют литературной норме и, присоединяясь к определяемому слову, выражают его число. Позиция форм *-ê di* в курманджи соотносительна позиции формы *-î de* в мукри. Обе формы выражают множественное число определяемого слова: *qisî de neterze* (OM, 14) (kurm., *qisê di neterze*) 'неприличные слова'; *kwanê suarî de nazenîn* (OM, 21) (kurm., *kwanê swarê di nazenîn//kanê swarêd nazenîn*) 'где же прекрасные всадники'; *kurî de mam Xelife* (OM, 154) (kurm., *kurê di mam Xelife*) 'сыны мам-Халифа'; *leqî de wan naucawan* (OM, 289) (kurm., *leqêd wan nû ciwanan*) 'тела тех молодых парней'; *leqî de suaranwek bijangi de daran*

(OM, 289) 'тела всадников (падали) словно листья деревьев'; le serim bibe laçik u de smalî de jinane (OM, 33) 'пусть будут на моей голове платки женщин'; de gel hatûn Estî rodeniştin xûşk u birafî de muhteber (OM, 50) 'с госпожой Асти сидели уважаемые сестры и братья'; merd ew merde nîe biçete refî kiçî de kurmançane (OM, 65) 'мужчина не тот, который пойдет преградить путь курманджийским девушкам'; le layekî dîkaî helwesraun çek u silahî de merdeane (OM, 31) 'на другой стороне висело оружие богатырей' и мн.др.

Примеры говора мукри районов Ушну, Бокана:

le gel wî bin sema'werî de perîyane (MF, 89) 'с ним будут группы (райских пери)'; piyawit zirabit bibinewe qurbanî zincîrî de kezîye (MF, 72) 'пусть плохие люди станут жертвой цепей твоих кудрей'; lê detikê dilopîde xwênê (MF, 89) 'из нее текут капли крови'; ber nabe bestuye be zincîrey de zulfane (SMM, 45) 'не развязываются цепи локонов'; gulî de beharê (SMM, 29) 'весенние цветы'; lê detike dilopî de xwênê (SMM, 28) 'из нее текут капли крови'; quringî quringî de kêwîstanan (SF., 48) 'журавли, горные журавли'; çî xebere le sarekey Lenger zemîn u le meclîvî de şêxane (SF, 47) 'что за весть из города страны Лангар и из шейхских собраний'; ewgo nîmek perwerîsin, ke nîmekî de çawan daye (SF, 49) 'вы любите делать добро, кто дал какие подарки', и др.

Примеры из текстов района Бингирда:

wextêk piyawî de raşay Petrussay ferengî çûn, girtyan, hawîştuanine ser gemî (Mac, 144) 'однажды люди франкского царя Патруса пошли, поймали (его), бросили в корабль'; rojê biçime raw u rawşkarê, êwaran dêmewe hode u dîwaxanî de xom (Mac, 115) 'днем пойду на охоту, вечером вернусь в свои комнаты' и др.

Думаю, что приведенные примеры из различных текстов, отражающих мукри районов Ушну, Бана и Бокан, могут служить новым дополнительным материалом, подтверждающим наше мнение о наличии изафетного показателя множественного числа *-î de* в мукри, который соотносителен, по значению и функции, изафетным формам *-ê di*, *-êd*, *-êt* в курманджи.

-
- 1 O.Mann, Kurdish-persische forschungen, Berlin, 1906.
 - 2 L.D.Fossum, A practical Kurdish grammar, Minneapolis, 1919.
 - 3 К.К.Курдоев, Сравнительная грамматика курдского языка.

Автореферат докторской диссертации, Москва, 1965, с.33-38.

⁴ К.Р.Эльби, И.А.Смирнова, Курдский диалект мукри, Ленинград, 1968, с.4.

⁵ И.А.Смирнова, Формы множественного числа в иранских языках, Ленинград, 1974.

Принятые сокращения.

- AS I, - Frym K. Socin A., *Kurdische Sammlungen*, Abt. I-II, S.-Pb., 1887-1890.
- FF - Qader Fatah Qazi, *Mehr-o-Vafa*, Tebriz, 1966.
- FK - *Folkloru kurmanci*, Erevan, 1956.
- Mac - D.N.Mackenzie, *Kurdish dialect studies*, II, London, 1962.
- OM - O.Mann, *Kurdisch-persische Forschungen*.
- ŞF - Qader Fattahi Qazi, *Şeyx Farx-o-Katun Asti*, Tebriz, 1973.
- ŞMM - Qader Fattahi Qazi, *Şer Mahmud-o-Merzingan*, Tebriz, 1970.

Н.И. Носова

О ПРЕДЕЛЬНЫХ ГЛАГОЛАХ В БИРМАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Во многих языках выделяются так называемые "предельные глаголы". А.А.Холодович называет эти глаголы "глаголами с одной степенью свободы", имея в виду, что предельный глагол обозначает состояние А, которое с необходимостью переходит в состояние В^I. Например, "садиться" - это предельный глагол, так как обозначаемое им состояние с необходимостью переходит в состояние, обозначаемое глаголом "сидеть".

Можно сказать, что предельный глагол обозначает состояние, имеющее "обязательный результат". В корейском и японском языках само такое состояние /А/ обозначается глаголом, специальная форма которого передает результат /В/ данного состояния. Например, в японском языке синю "умирать" - синдэ иру "быть мертвым". Подчеркнем, что состояние А и его результат В выражаются здесь одним и тем же словом (лексемой).

В другом случае, как указывает А.А.Холодович, результат может выражаться самостоятельным словом, как в русском языке: